

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Том 30, № 2

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2025

ISSN 2542-2332 (Print)
ISSN 2686-8040 (Online)

2025 Vol. 30, №2

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2025

СОДЕРЖАНИЕ

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

2025 Том 30, № 2

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Дашковский П. К.</i> Вторичные захоронения в погребальной обрядности пазырыкской культуры Алтая: результаты исследования и интерпретация	7
<i>Суслова С. В., Донина Л. Н.</i> Ювелирные украшения волго-уральских татар в контексте этнокультурных традиций Евразии: итоги этнолого-технологического исследования	40
<i>Подушкин А. Н., Стамкулова Г. А.</i> Погребальные сооружения и археологические комплексы могильника Кызылколь 1 (по материалам раскопок 2022 г.)	59
<i>Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н., Горлышкин Н. Е.</i> К проблемам раннего этапа освоения русским населением бассейна реки Иня в Кузнецкой котловине в конце XVII — начале XVIII в.	74

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Альбедиль М. Ф.</i> Непал: этноконфессиональная мозаика.....	97
<i>Досмурзинов Р. К.</i> Обычай давра в похоронной обрядности казахского народа.....	115
<i>Дробышев Ю. И.</i> Представления о целях вторжения Чингис-хана в страны ислама в мусульманской историографии до 1260 г.	126
<i>Файзуллина Г. Ч., Кадирова Э. Х.</i> Махр как условие заключения никаха у тюрко-татарского населения Тобольской губернии в XIX — начале XX в. (по материалам метрических записей)	142
<i>Ли Хуэй.</i> Мифологическое существо Лун в китайской коллективной культурной памяти.....	156
<i>Сень Д. В.</i> Первый Северо-Кавказский съезд горских евреев в Нальчике (1926 г.).....	166

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Хаймурзина М. А.</i> Особенности распространения конфуцианских храмов в период чжурчжэньского государства Цзинь	183
<i>Монгуш А. В.</i> Атеистическая пропаганда в Туве как элемент государственно-конфессиональной политики СССР в 1954–1964 гг.....	198
<i>Шмакова А. С., Шутова М. А., Кравцова А. Д.</i> Трансформация статуса буддизма на Корейском полуострове в период Корё (918–1392) и первой половине Чосон (1392–1600).....	220

ДЛЯ АВТОРОВ	238
--------------------------	-----

CONTENT

NATIONS AND RELIGIONS OF EURASIA

2025 Vol. 30, № 2

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Dashkovskiy P. K.</i> Secondary burials in the funeral rituals of Pazyryk culture of Altai: research results and interpretation	7
<i>Suslova S. V., Donina L. N.</i> Jewelry of the Volga-Ural Tatars in the context of the ethno-cultural traditions of Eurasia: the results of the ethnological and technological research	40
<i>Podushkin A. N., Stamkulova G. A.</i> Funeral structures and archaeological complexes of the Kyzylkol 1 burial ground (based on materials from excavations in 2022)	59
<i>Dobzhanskii V. N., Ermolaev A. N., Gorlyshkin N. E.</i> On the Issue of the Early Stage of Russian Colonization of the Inya river basin in the Kuznetsk basin at the Late 17 th and Early 18 th Centuries	74

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Albedil M. F.</i> Nepal: an ethno-religious mosaic	97
<i>Dosmurzinov R. K.</i> The Kazakh folk custom of davra	115
<i>Drobyshev Yu. I.</i> Ideas about the goals of Chingis Khan's invasion to the countries of Islam in Muslim historiography before 1260	126
<i>Faizullina G. C., Kadirova E. H.</i> Mahar as a condition for concluding a nikah among the Turkic-Tatar population of the Tobolsk province in the 19 th — early 20 th centuries (based on metric records)	142
<i>Li Hui</i> The mythological creature Lun in chinese collective cultural memory	156
<i>Sen' D. V.</i> I North Caucasian Congress of Mountain Jews in Nalchik (1926)	166

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Khaymurzina M. A.</i> Specifics of Confucian temples' spread during the Jurchen state of Jin	183
<i>Mongush A. V.</i> Ftheistic propaganda in Tuva as an element of the state-confessional policy of the ussr in 1954–1964	198
<i>Shmakova A. S., Shutova M. A., Kravtsova A. D.</i> Transformation of the status of Buddhism on the Korean peninsula during the periods of Goryeo (918–1392) and the first half of Joseon (1392–1600)	220

FOR AUTHORS	238
--------------------------	-----

УДК 902/904 + 930.2

DOI 10.14258/nreur(2025)2–04

В. Н. Добжанский

Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия)

А. Н. Ермолаев, Н. Е. Горлышкин

Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия); Федеральный исследовательский центр угля и углехимии СО РАН, Кемерово (Россия)

К ПРОБЛЕМЕ РАННЕГО ЭТАПА ОСВОЕНИЯ РУССКИМ НАСЕЛЕНИЕМ БАСЕЙНА РЕКИ ИНЯ В КУЗНЕЦКОЙ КОТЛОВИНЕ В КОНЦЕ XVII — НАЧАЛЕ XVIII В.

Статья посвящена исследованию процессов заселения бассейна реки Иня на территории Кузнецкой котловины в ходе миграции русского населения в конце XVII — начале XVIII в. Рассмотрены исторические, социальные, географические и внешнеполитические факторы, влияющие на формирование сети русских сельских поселений. Авторы задействуют комплексный историко-археологический подход, состоящий в привлечении нарративных, картографических и археологических источников, а также вводят в научный оборот документ, посвящённый первым поселенцам в устье реки Мереть.

Источниковой базой работы послужили данные первой ревизии на территории Томского и Кузнецкого уездов, сведения исторической картографии («Чертежная книга Сибири», «Хорографическая чертежная книга Сибири» С. У. Ремезова, «Ландкарта Томского и Кузнецкого уездов» В. Шишкова), материалы, полученные в ходе полевых археологических работ.

Отдельное внимание уделено влиянию положения реки Ини в качестве границы между русскими и телеутскими владениями на процесс заселения этой территории русскими переселенцами. Дается оценка перспективам использования методов археологии в изучении поселенческих комплексов, исчезнувших на раннем этапе своего существования и не отражённых в письменных источниках и материалах исторической картографии на примере, выявленного объекта археологического наследия «поселение Захар-Дуброво I».

Приход русского централизованного государства дал старт новому этапу в истории региона. Процесс освоения бассейна Ини носил характер государственной и вольной колонизации. В течение первой трети XVIII в. в данном районе было основано более 50 русских сельских населённых пунктов. Социальный состав первых поселенцев был представлен «служилым» людом, оброчными, «гулящими», ссыльными. Параллельно шел процесс миграции населения, которое по тем или иным причинам хотело избежать контактов с государством. Данный процесс слабо отражен в документах и материалах исторической картографии, порождая феномен «скрытой» миграции.

Ключевые слова: русское население, миграция, поземельное освоение, письменные источники, историческая картография, археология, бассейн р. Иня, Кузнецкая котловина

Для цитирования:

Добжанский В. Н., Ермолаев А. Н., Горлышкин Н. Е. К проблемам раннего этапа освоения русским населением бассейна реки Иня в конце XVII — начале XVIII в. // Народы и религии Евразии. 2025. Т. 30. № 2. С. 74–96. DOI 10.14258/nreur(2025)2–04.

Добжанский Виктор Николаевич, кандидат исторических наук, Кемеровский государственный университет, Кемерово (Россия). **Адрес для контактов:** dobzhanskii-viktor@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0009-6779-9674>.

Ермолаев Алексей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Кемеровский государственный университет; главный научный сотрудник, заведующий лабораторией истории Южной Сибири Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, Кемерово (Россия). **Адрес для контактов:** al-ermolaev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6903-5883>.

Горлышкин Никита Евгеньевич, ведущий инженер лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН, аспирант Кемеровского государственного университета, Кемерово (Россия). **Адрес для контактов:** gorlyshkin.nikita@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1710-2877>.

V. N. Dobzhanskii

Kemerovo State University, Kemerovo (Russia)

A. N. Ermolaev, N. E. Gorlyshkin

Kemerovo State University, Kemerovo (Russia); Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Kemerovo (Russia)

ON THE ISSUE OF THE EARLY STAGE OF THE COLONIZATION OF THE INYA RIVER BASIN BY THE RUSSIAN POPULATION IN THE KUZNETSK BASIN IN THE LATE 17TH AND EARLY 18TH CENTURIES

The article is devoted to the study of the colonization of the Inya River in the Kuznetsk Basin, associated with the migration of the Russian population in the late 17th and early 18th centuries. The historical, social, geographical, and foreign policy factors influencing the formation of a network of Russian rural settlements are analyzed. The authors use a comprehensive historical

and archaeological scientific method, involving narrative, cartographic and archaeological sources, as well as introducing new documents into academic discourse, dedicated to the first settlers at the Meret River mouth.

The source base of the article consisted of the first revision in the Tomsk and Kuznetsk districts data, information from historical cartography (“Drawing Book of Siberia,” “Chorographic Drawing Book of Siberia” by S. U. Remizov, “Land Map of the Tomsk and Kuznetsk Districts” by V. Shishkov), and materials obtained through archaeological research.

Special attention is paid to the influence of the Inya River location as a boundary between Russian and Teleut territories on the process of its settlement by Russian migrants. The prospects of using archaeological methods in the study of settlement complexes that disappeared at an early stage of their existence and are not reflected in written sources and historical cartography on the example of the identified archaeological heritage site “Zakhar-Dubrovo I settlement” are assessed.

The arrival of the Russian centralized state marked the beginning of a new phase in the region's history. The process of settling the Inya River basin was characterized by both state-sponsored and free colonization. During the first third of the 18th century, more than 50 Russian rural settlements were founded in the area. The social composition of the first settlers consisted of “serving people”, serfs, “wanderers,” and exiles. At the same time, there was a migration of people who, for various reasons, wanted to avoid contact with the Russian state. This process is poorly reflected in the documents and materials of historical cartography, giving rise to the phenomenon of “hidden” migration.

Keywords: Russian population, migration, land colonization, narrative sources, historical cartography, archaeology, the Inya River basin, the Kuznetsk basin

For citation:

Dobzhanskii V. N., Ermolaev A. N., Gorlyshkin N. E. On the Issue of the Early Stage of Russian Colonization of the Inya River Basin at the Late 17th and Early 18th Centuries. *Nations and religions of Eurasia*. 2025. T. 30. № 2. P. 74–96 (in Russian). DOI 10.14258/nreur(2025)2–04.

Dobzhanskii Viktor Nikolaevich, candidate of historical Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Kemerovo (Russia). **Contact address:** dobzhanskii-viktor@inbox.ru; <https://orcid.org/0009-0009-6779-9674>

Ermolaev Aleksei Nikolaevich, doctor of historical Sciences, Professor, Kemerovo State University; Chief Researcher, Head of the Laboratory of Southern Siberian History at the Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Kemerovo, (Russia). **Contact address:** al-ermolaev@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6903-5883>

Gorlyshkin Nikita Evgen'evich, Senior Engineer of the Archeology Laboratory of the of Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, a postgraduate student at Kemerovo State University, Kemerovo (Russia). **Contact address:** gorlyshkin.nikita@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1710-2877>.

Введение

Вопросы, связанные с ранними этапами освоения русским населением территорий в районе бассейна реки Иня, долгие годы оставались второстепенными в контексте общего изучения процессов интеграции Кузнецкой котловины в государственное пространство России. Хотя данный процесс имел ряд уникальных особенностей.

На протяжении XVII в. Приинье было полем ожесточенного соперничества между кочевыми обществами приобских телеутов и местным русским населением. Данное противостояние сопровождалось взаимной военно-политической активностью, которая сменялась периодами временного затишья [Голодяев, 2017: 13–20]. Конфликт между кочевниками Приобья и русскими переселенцами был тесно вписан в общие международные процессы, участия в которых принимали многочисленные этнокультурные общности юга Сибири и Центральной Азии (енисейские киргизы, ойраты, «кузнецкие татары», джунгары, народы Горного Алтая и степей современного Казахстана и др.).

Вследствие русско-телеутского противостояния районы бассейна Ини на протяжении XVII столетия были недоступны для заселения. Первые поселения на территории Приинья появляются в последнее десятилетие XVII в. Лишь миграция большей части телеутского населения в предгорья Тянь-Шаня в середине второго десятилетия XVIII в. открыла простор к поземельной колонизации и хозяйственному освоению региона. Таким образом, процесс селообразования и формирования государственной пашни в Приинье начался значительно позже, чем в соседних районах Кузнецкого Притомья и Томского Приобья, Енисейской Сибири.

Другой интересный аспект связан с отсутствием на территории Приинья укрепленного центра, вокруг которого могла бы формироваться сеть поселений. В отличие от того же Притомья, где села, деревни, заимки формировались вблизи острогов (Томский, Сосновский, Верхотомский, Кузнецкий остроги), рассматриваемая территория находилась на достаточном удалении от русских укреплений.

Цель работы — обобщить сведения о процессе заселения бассейна Ини русским населением в конце XVII — начале XVIII в., предложить авторскую интерпретацию новых документальных и археологических источников по ранним этапам поземельного освоения Приинья.

География работы затрагивает территорию бассейна Ини, расположенного в западной части Кузнецкой котловины и заканчивающегося впадением в Обь. Ландшафт рассматриваемых районов разнороден, сочетает в себе предгорные и равнинные комплексы. В целом рельеф умеренно-пересеченный, с холмами и террасами. Территория отличается биологическим разнообразием, что открывает возможности для охоты и иных промыслов. Почвы преимущественно подзолистые и черноземные, в поймах — аллювиальные. Эти факторы делают рассматриваемый район привлекательным для заселения и формирования пашенного хозяйства [Куминова, 1949: 15–21].

Методы. Методически исследование базируется на использовании комплексного историко-археологического подхода к изучению процесса селообразования и хозяйственного освоения Приинья. В рамках данного метода нами задействуется весь доступный массив источников нарративного и археологического характера, данные исторической картографии. Подход прошел апробацию как в ходе обобщения уже име-

ющихся сведений по русским поселениям Кузнецкой котловины, так и при организации полевых археологических работ на памятниках Нового времени [Горлышкин, 2022: 27–37].

Особый упор в работе мы делаем на ранее неопубликованные документальные и археологические материалы. Таким образом, для получения вещественных источников привлекался метод археологической разведки.

Историографию рассматриваемой проблемы можно условно разделить на две большие группы. Первая включает в себя работы, основанные на материалах нарративных и картографических источников. Вторая группа представлена штудиями, в основе которых лежит археологическое изучение памятников Нового времени в бассейне Ини.

Первые упоминания в академических исследованиях русских деревень бассейна Ини относятся к 1734 г., когда в рамках Второй Камчатской экспедиции территорию края посетили И. Г. Гмелин [Гмелин, 2003: 99–100] и Г. Ф. Миллер [Элерт, 1988: 75–81].

Отдельные аспекты заселения русскими Приинья на рубеже XVII–XVIII вв. рассматривались в трудах В. И. Шункова [1956: 84], В. С. Синяева [1956], З. Я. Бояршиновой [1977: 14–32], Н. Ф. Емельянова [1981: 82–95], А. А. Скрябиной [1997: 11–21], В. М. Кимеева [1997: 14–22]. Контактam русского и телеутского населения посвящены работы А. П. Уманского [1980: 169–186; 1995: 110–137], Е. П. Батьяновой [2006: 232–233].

Вопросы, связанные с русской колонизацией берегов Ини, затрагиваются в обобщающих коллективных штудиях по истории Кузнецкого края, глава «Присоединение Кузнецкой земли к русскому государству и ее освоение» за авторством З. Г. Карпенко в «Истории Кузбасса» 1967 г. [Карпенко, 1967: 38–47], в первом томе «Истории Кузбасса» 2021 г. [Ермолаев, Карпинец, Морозов, Усков, 2021: 65–66]. В представленных работах рассматривается, преимущественно, процесс формирования сети русских сел и деревень. Особо отметим труды И. Ю. Ускова, который по материалам ревизских сказок не только реконструировал хронологию процесса селообразования, но и восстановил численный состав жителей приинских поселений, проследил изменение социального положения сельских жителей [Усков, 2001; 2005: 98–99, 102–103, 108–109; 2017: 105].

В то же время стоит отметить нехватку специализированных работ, концентрирующихся на районах Приинья. Это подталкивает нас к выводу, что заселение данной территории русскими рассматривалось специалистами в контексте глобального процесса поземельной колонизации Кузнецкой котловины и бассейна Оби.

На сегодняшний день поселенческие комплексы Нового времени в районах верхнего течения Иня исследованы относительно слабо, что обуславливает малое количество работ по данной тематике. В этой связи особо хочется выделить работы новокузнецкого специалиста Ю. В. Ширина [2003: 376–381; 2017: 4–42]. Автор не только самостоятельно проводил полевые работы, но и обобщил накопившийся опыт изучения археологических комплексов Нового времени в бассейне Ини.

Один из авторов статьи также проводил исследования поселений, относящихся к раннему этапу освоения региона, чему посвящена одна из работ [Горлышкин, 2022: 27–37]. В рамках программы по комплексному историко-археологическому изучению русских сельских поселений Нового времени членами авторского коллектива работы была разработана база данных «Территориальное распределение сельских поселений

XVII — начала XX вв. в Кузнецком Притомье», в которых представлено территориальное распределение русских поселений Приинья, суммируется накопленный опыт археологического изучения сельских комплексов XVIII–XIX вв.

Анализ степени изученности рассматриваемой темы позволяет сделать вывод, что проблема ранних этапов русской экспансии в регион бассейна Ини разработана слабо и требует дополнительного внимания со стороны специалистов.

Характеристика процесса освоения русским населением бассейна Ини в конце XVII — начале XVIII в.

Долгое время Иня и прилегающие к ней лесостепные районы играли роль своеобразного буфера, границы между миром русских переселенцев и телеутов. Пограничный статус реки не удивителен в контексте взаимоотношений русского и автохтонного населения Сибири. В отсутствии возможности размежевания территорий с кочевыми народами по причине отсутствия четко устоявшихся государственных институтов у последних, роль границы зачастую играли значимые по местным меркам географические объекты либо незаселенные пустоши [Тихонов, 2024: 167].

Рис. 1. Отображение деревни Гутова, первой русской деревни в бассейне Ини, на «Чертеже Томского города» из «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова [Ремезов, 1882: 26]

Fig. 1. Depiction of the Gutova village, the first Russian village in the Inya River basin, on the "Plan of Tomsk City" from the "Drawing Book of Siberia" by S. U. Remezov [Remezov, 1882: 26]

Однако с конца XVII в. Иня постепенно утрачивает свой пограничный статус, становясь объектом русской поземельной экспансии. В 1690–1700-е гг. появляются первые инские деревни — Титова, Тарсма, Гутова [Усков, 2005: 36]. То же количество дере-

вень фигурирует в материалах Сосновской земской конторы Томского уезда за 1701 г. [Усков, 2005: 48]. Существование деревни Гутово нашло отражение в «Чертежной книге Сибири» (рис. 1) и «Хорографической книге Сибири» (рис. 2), за авторством С. У. Ремезова. Материал для «Чертежной книги» собирался С. У. Ремезовым в 1697–1698 гг. Таким образом можно констатировать, что русская земельная колонизация территории Ини и ее притоков началась не позднее середины 90-х гг. XVII в.

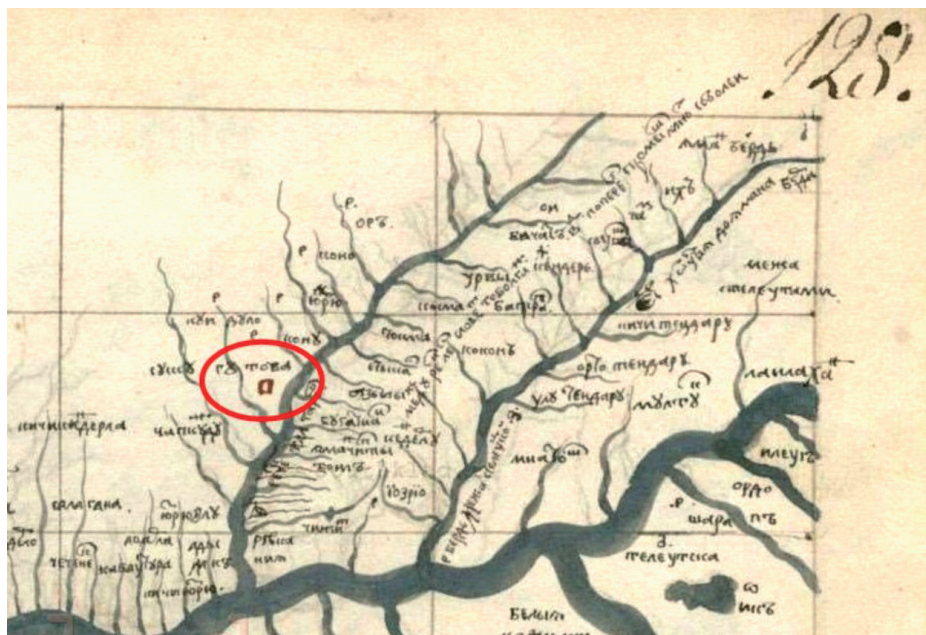

Рис. 2. Деревня Гутова и бассейн Ини в «Хорографической чертежной книге Сибири» С. У. Ремезова (л. 128)

Fig. 2. The Gutova village and the Inya River basin in the "The Chorographic drawing book of Siberia" by S. U. Remezov (f. 128)

В то же время стоит обратить внимание на подписи, которыми автор сопровождал чертежи рек Иня и Бердь. Под чертежом реки Иня мы видим надпись «речекъ татаровъ». Под рекой Бердь подпись «р. Бердь межа с телеуцкой землею» (рис. 1). Можно сделать вывод, что несмотря на начавшееся проникновение русского населения, реки Иня и Бердь к началу XVIII в. играли роль пограничья между русским и телеутским «мирами». Об этом свидетельствует и описание пашенных земель крестьян Верхотомского острога и близлежащих деревень в «Дозорной книге Томского уезда» за 1703 г. Согласно последней, крестьянские угодья и заимки оканчивались «... за двадцать верст до речки Иня» [Усков, 1999: 189–199; Ермолаев, Карпинец, Морозов, Усков, 2021: 67].

В этой связи возникает вопрос — почему, несмотря на натянутый характер отношений, телеуты позволили русским переселенцам начать процесс закладки своих поселений? Вероятно, это вызвано желанием элит телеутского общества наладить если не союзнические, то, по крайней мере, невраждебные отношения с царской администра-

ций. По мнению А. П. Уманского, потепление русско-телеутских отношений в конце XVII в. вызвано рядом факторов: 1) желанием российского правительства путем нормализации отношений с кочевым соседом прекратить разорительные набеги на пограничные города и сельские поселения; 2) недовольство телеутской знати своим положением в иерархической системе Джунгарского государства. Последнее активно использовало демографические и экономические ресурсы «Телеуцкой земли» в своих многочисленных военных конфликтах, что вело к упадку кочевого хозяйства последней; 3) политика мирного сосуществования русского и телеутского населения открывала возможности для решения спорных моментов по вопросу сбора дани с оседлого «татарского» населения, что могло поправить экономическое положение телеутских родов [Уманский, 1980: 165–178].

На наш взгляд, спокойная реакция телеутов на проникновение русского населения в Прииенье является следствием политики по нормализации отношений между Москвой и телеутскими родами.

Основанные в 1690-е гг. поселения заложили фундамент для дальнейшей миграции русского населения в бассейн Ини. Тем не менее процесс селообразования на данных территориях столкнулся с трудностями внешнеполитического характера. Обострение отношений с Джунгарией в начале 1700-х гг. привели к расширению русского военного присутствия в Обь-Иртышском междуречье и прилегающих районах. Были заложены Умревинский и Бикатунский остроги, проведены работы по укреплению и расширению уже существующих крепостей. Возобновились споры по вопросу сбора дани с местных оседлых народов. Все это стало предпосылками для столкновений русских с телеутскими родами, произошедших в конце 1700-х — первой половине 1710-х гг. [Уманский, 1980: 173–175]. Результатами данного противостояния стали ослабление экспансионистской политики Джунгарского ханства, миграция телеутов в Центральную Азию и перенос «межи» южнее, в районы верхнего течения Оби.

Начало миграции русского населения в низовье бассейна Ини в последнее десятилетие XVII в. изменило характер взаимодействия с местным тюркским населением. На смену сложившейся в течение XVII в. практике русско-телеутских отношений, включавших широкий спектр взаимодействий — от военно-политических до торгово-экономических, но не предполагавших территориальной экспансии, пришел процесс постепенного освоения Прииенья русским земледельческим населением, результатом чего стала полноценная интеграция региона в административно-хозяйственную систему российского централизованного государства. Таким образом, рубеж XVII–XVIII вв. является своеобразным окончанием средневекового этапа в истории региона.

Исчезновение фактора внешней угрозы плодотворно сказался на процессе русской колонизации Прииенья. Согласно материалам первой ревизии, в 1720 г. на рассматриваемой территории находились более 25 деревень и заимок разного масштаба [ГАТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 1а; РГАДА Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1611. Л. 277–290 об.]. Поселки располагались на берегах Ини и ее больших притоков — Тарсьмы Изылы, Калтырака, Мерети и были представлены, преимущественно, деревнями в 3–4 двора. Хотя встречались и относительно большие поселения. Так, в деревне Гутово насчитывалось 9 дворов [ГАТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 1а]. Название деревни получали чаще всего по фамилии основателя (Гутово,

Титова, Кузнецова) или по географической принадлежности (Мерецкая — по названию реки Мереть). Часть населенных пунктов в ревизии не имела конкретного названия, ограничиваясь описанием его местонахождения (по Ине реке на Больших Изылах, за Инею в Тарминских вершинах на Калтыраке и др.) [ГАТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 1а].

Социальный состав первых поселенцев был представлен, преимущественно, служилыми людьми — беломестными и пешими казаками, а также посадскими, оброчными и «гулящими» [ГАТО. Ф. 321. Оп. 1. Д. 1а]. В целом, социальный состав русских первопроходцев в Приинье не отличался от соседних регионов Сибири.

Толчок к появлению новых поселений дал так называемый Кузнецкий тракт, проходивший через бассейн Ини. Данный сухопутный маршрут, появившийся в середине XVII в., нашел отражение на «Чертеже Кузнецкого города» Ремезова. Наличие русских деревень вдоль тракта отметил в своих записках Г. Ф. Миллер: «...возле деревни Сосновой (сейчас деревня Усть-Сосново. — *прим. авторов*), на северном берегу Ини, на дороге в Кузнецк, все еще видны города прежних жителей и хозяев страны» (цит. по: [Элерт, 1988: 79]).

На момент первой ревизии большая часть поселений Приинья административно относилась к Сосновскому стану Томского уезда. Исключение составляли деревня Мерецкая и Хмелева, относившиеся к Мунгатскому стану Кузнецкого уезда [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1611. Л. 277–290 об.]. Такое географическое распределение свидетельствует о том, что первоначально осваивалось нижнее течение Ини с постепенным распространением процесса селообразования «вверх» к истоку реки. Вероятно, это обусловлено близостью низовий Ини к острожным укреплениям и большей удаленностью от телеутских кочевий, а также наличием в верховьях Ини ак-кыштымских улусов, что отображено на «Чертеже Кузнецкого города» С. У. Ремезова [Ремезов, 1882: 27].

Однако уже к середине 1730-х гг. районы верхнего течения Ини и ее притоки были активно заселены русскими поселенцами. Данный факт хорошо проиллюстрирован «Ландкартой Томского и Кузнецкого уездов Оби реки и впадающим речкам, и около оных жилья от Бийского острогу до устья реки Томи и по Томе вверх до Кузнецка и выше, и ведомства Колывано-Воскресенского заводу деревням» 1736 г. за авторством Василия Шишкова. Картограф зафиксировал наличие к 1735 г. (дата начала работы над ландкартой) в районах Ини, относящихся к Кузнецкому уезду, 25 сел и деревень, 23 из которых не были указаны в материалах первой ревизии. Это составляет половину всех поселений, появившихся в уезде с 1720 по 1747 г. [Усков, 2005: 48]. Таким образом, В. Шишков в своей ландкарте отразил месторасположение 55 сельских поселений, расположенных на берегах Ини вплоть до ее впадения в Обь.

Можно констатировать, что к концу первой трети XVIII в. в Приинье окончательно сложилась система сельских поселений и государственной пашни, тем самым завершив интеграцию региона в государственное пространство России.

Новые документальные сведения о ранних этапах русской колонизации Приинья

Несмотря на наличие документальных источников и материалов исторической картографии, некоторые стороны освоения региона на сегодняшний день практически не рассматривались специалистами. В ходе работы в Российском государственном ар-

хиве древних актов В. Н. Добжанским был обнаружен документ, относящийся к ранним этапам русской колонизации бассейна Ини (см. Прил.).

Документ, датирующийся январем 1715 г., представляет собой отписку приказчика Мунгатского острога Василия Соколова полковнику Борису Акимовичу Синявину, воеводе Кузнецка. В отписке приказчик сообщает, что местные жители сообщили о наличии в устье реки Мереть неизвестной деревни. По данным В. Соколова, в поселке проживали три семьи, мигрировавших с берегов Ишима. Деревня привлекла особое внимание приказчика, так как «...в казну великого государя оброку ни в которой город не платят...» (цит. по: [РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 67 об.]).

Для решения данной проблемы из острога был выслан отряд служилых людей под командованием Федора Лагунова с целью проверки поступивших сведений. Прибывший отряд подтвердил наличие в устье Мерети трехдворового поселения: «...нашли в вышеписанных урочищах на усть речки Мерету ишимцов три двора, а людей в них три семьи Анисимом зовут Афонасьев з братом Буткою Филипом зовут, Сапашков Михайлом зовут Нагибин» (цит. по: [РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 67 об.]).

На момент прибытия отряда Лагунова главы семей в деревне отсутствовали. По словам жен, мужчины уехали в Кузнецк с целью выплаты недоимок за прошедший год. Приказчик Соколов просит воеводу Синявина сообщить ему, выплатили ли прибывшие «ишимцы» оброчные деньги.

Анализ документа позволяет нам сделать следующие выводы. Русское заселение бассейна Ини носило разноплановый характер. Государственная колонизация сочеталась с вольным переселением в бассейн Инб крестьян из соседних регионов Сибири. Данный формат не является уникальным для Приинья. Сходная картина наблюдается и в других районах Кузнецкой котловины в XVII — первой половине XVIII в., где политика государственного, зачастую насильственного, переселения сосуществовала с практикой добровольной миграции крестьянского населения в регион [Усков, 2005: 91].

Представители царской администрации внимательно следили за появлением новых населенных пунктов на территории региона с целью регулярного пополнения царской казны. Существовала хорошо налаженная система по получению и проверке на подлинность сведений о новоприбывших поселенцах от местного населения.

Важным источником информации является указание в документе имен переселившихся крестьян. Сравнительный анализ имен, представленных в отписке, с материалами из «Переписной книге г. Кузнецка» за 1719 г. [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1 Кн. 1611. Л. 260–266 об.] дает нам основание полагать, что в представленном документе зафиксировано первое население деревни Мерецкой. В обоих источниках мы встречаем имя Михайло Нагибина. Совпадает и месторасположение поселения, указанного в отписке и реальным расположением деревни Мерецкой в устье одноименной реки. Судьба братьев Афансьевых и их семей, к сожалению, нам неизвестна. В материалах «Переписной книги» их фамилии не значатся.

Численность жителей в деревне, несмотря на отбытие братьев Афансьевых с семьями, быстро росла. Если по состоянию на 1715 г. деревня представляла собой трехдворовое поселение, то согласно материалам «Переписной книги г. Кузнецка» 1719 г. в деревне проживало восемь семей, главами двух из которых были братья Василий

и Артемон Пестерева, двух — братья Микита и Иван Коневы [РГАДА. Ф. 214. Оп. 1 Кн. 1611. Л. 260–266 об.]. Возможно, быстрый рост населения деревни стал причиной выезда семей братьев Афансеевых, искавших более малолюдное и укромное место для проживания.

Стоит отметить, что довольно крупное по местным меркам трехдворовое поселение возникло, судя по отписке приказчика В. Соколова, не позднее 1714 г., т.е. в период, когда еще существовала вероятность набега со стороны телеутов. Это подтверждает тезис о том, что фактор внешнеполитической угрозы не остановил, а лишь замедлил процесс переселения русского населения в бассейн Ини, а миграция телеутов в Центральную Азию открыла новые возможности для расширения экспансии в Приинье.

Перспективность применения методов археологии в реконструкции ранних этапов поземельного освоения русскими бассейна Ини на примере поселения в урочище Захар-Дуброво

Растущий в последние десятилетия интерес специалистов к направлению археологии Нового и Новейшего времени открывает потенциал к привлечению материалов полевых археологических работ в качестве источника по реконструкции процессов русского освоения сибирских регионов. Специфика привлечения методов археологии состоит в том, что вещественные источники играют вспомогательную роль, дополняя сведения источников нарративного характера, материалы исторической картографии. Археологические источники позволяют уточнить хронологическую атрибуцию поселений, их локализацию и планиграфию, рассмотреть особенности системы географического распределения сел и деревень в конкретном районе, дать оценку этнокультурного состава населения [Горлышкин, 2022: 30–31].

Аккумулируя накопленный опыт, можно сделать вывод о слабой изученности археологических комплексов Нового времени в бассейне Ини. На сегодняшний день полевые работы проводились на 16 археологических комплексах Позднего Средневековья и Нового времени, два из которых являются грунтовыми могильниками. Из 14 поселений только восемь можно уверенно отнести к русским поселениям XVIII — начала XX в. Степень археологической изученности ограничивается визуальным осмотром, сбором подъемного материала, шурфовкой [Ширин, 2003: 375–381; 2017: 4–20].

Наибольший интерес представляет поселение Сапогово 4 в окрестностях Ленинск-Кузнецкого (рис. 3). Полученный в ходе подъемных сборов материал (русская гончарная керамика, «денга» 1746 г.) [Ширин, 2017: 11] позволяет точно датировать поселение. Первое упоминание об одноименной деревне относится к третьей ревизии 1763 г. [Усков, 2005: 104]. Таким образом, найденная монета уточняет данные документальных источников в вопросе хронологической атрибуции истории существования конкретного населенного пункта.

Несмотря на свою преимущественно вспомогательную функцию, в ряде случаев археология выходит на первый план в вопросах реконструкции отдельных аспектов русского освоения региона. В ходе сплошной разведки вдоль берегов Ини в Промышленновском районе Кемеровской области — Кузбасса, сотрудниками лаборатории археологии Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН был выявлен объект археологического наследия (ВОАН) «поселение Захар-Дуброво I» (рис. 3).

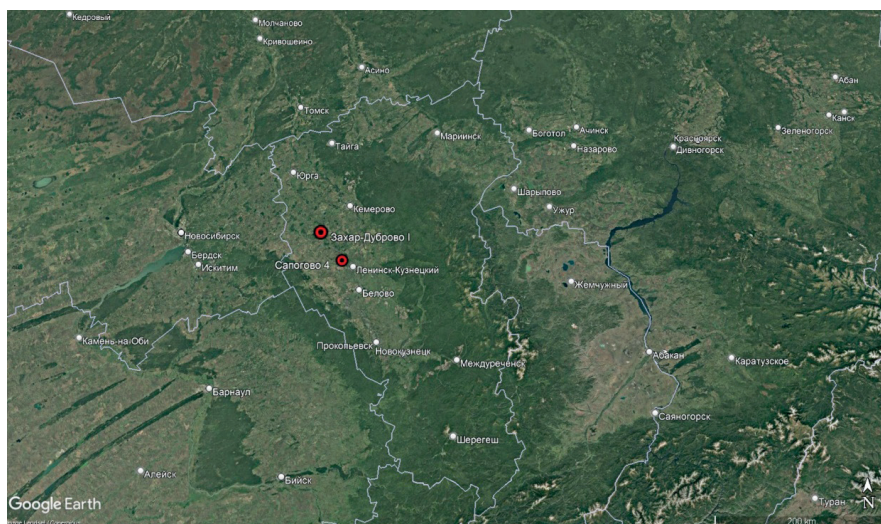

Рис. 3. Расположение поселений Сапогово 4 и Захар-Дуброво I
Fig. 3. The location of the settlements Sapogovo 4 and Zakhar-Dubrovo I

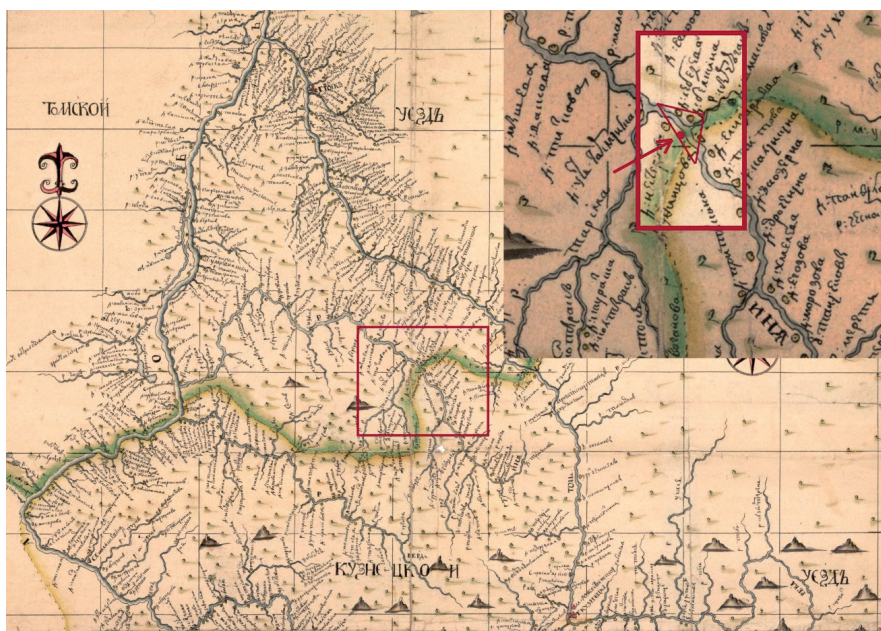

Рис. 4. Месторасположение поселения Захар-Дуброво I в контексте локализации старожильческих населенных пунктов — деревни Лебедева (совр. Лебеди), Белкина (Корбелкино), Уфимцова (Уфимцево) на Ландкарте Томского и Кузнецкого уездов 1736 г. за авторством В. Шишкова
Fig. 4. The location of the settlement Zakhar-Dubrovo I in the context of the localization of old-settlement villages — Lebedeva (modern Lebedi), Belkina (Korbelkino), and Ufimtseva (Ufimtsevo) villages on the 1736 Land Map of the Tomsk and Kuznetsk Districts, authored by V. Shishkov

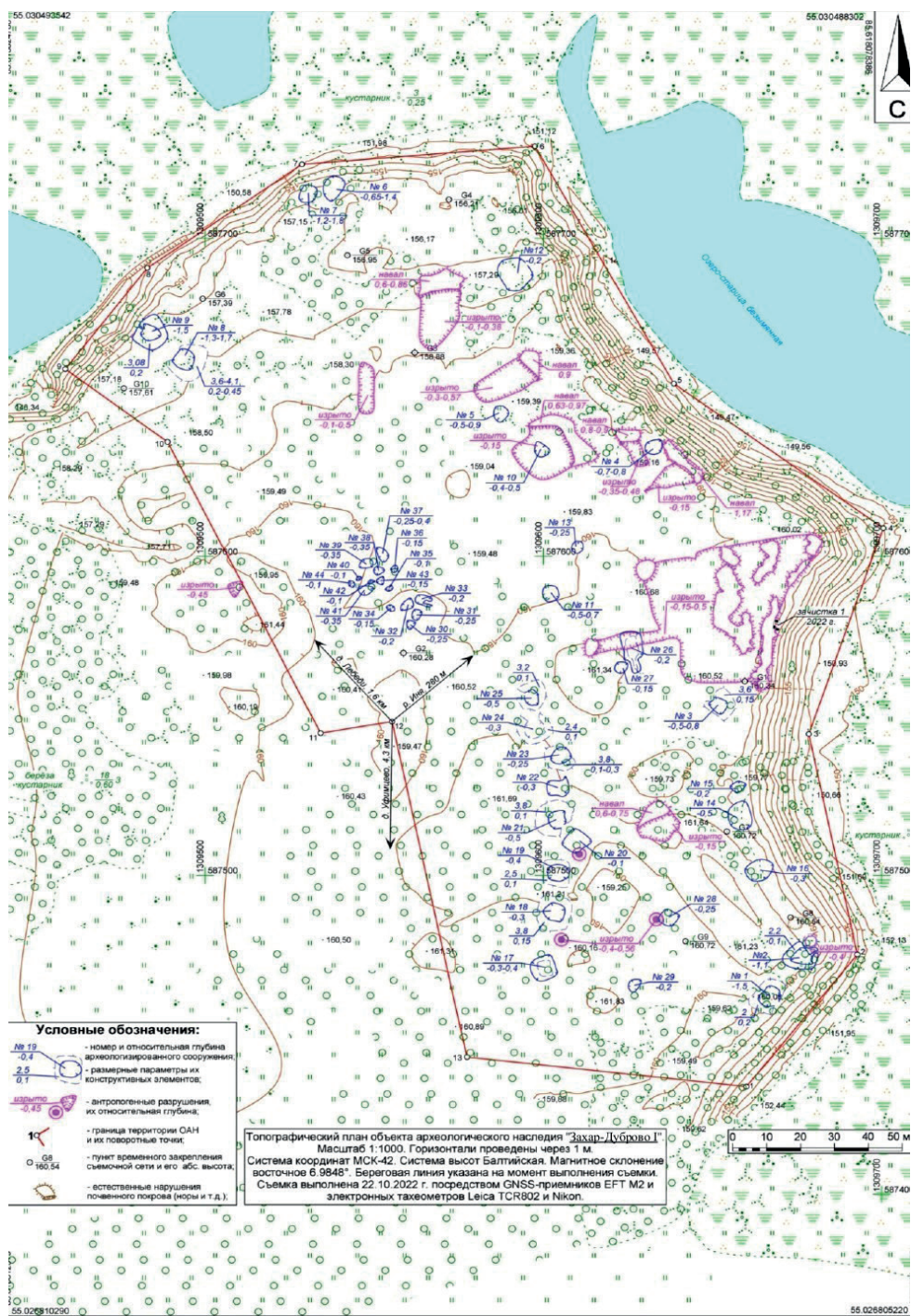

Рис. 5. Топографический план поселения Захар-Дуброво I

Fig. 5. Topographic map of the settlement Zakhar-Dubrovo

Географически поселение расположено в 1,6 км к северо-западу от деревни Лебедево (в наши дни деревня Лебеди. — *прим. авторов*) в треугольнике старожильческих деревень Уфимцево — Корбелкино — Лебедево. Первое упоминание о существовании данных населенных пунктов мы встречаем на Ландкарте Томского и Кузнецкого уезда В. Шишкова 1736 г. (рис. 4).

На территории комплекса площадью 1,5 га зафиксированы 44 западины подквадратной, подпрямоугольной и овальной формы, чья глубина варьируется от 0,2–0,3 до 1,7–1,8 м. Наиболее глубокие западины, глубиной от 0,6 до 1,8 м, линейно расположены на террасе левого берега Ини (рис. 5). Сходное расположение жилищ характерно для старожильческих населенных пунктов Притомья XVII — первой половины XIX в. [Скрябина, 1997: 55]. В ходе зачистки были обнаружены два фрагмента керамического сосуда и фрагмент кости животного не установленного вида. Фрагмент № 1 представлен венчиком керамического сосуда размером 4×2×2,5 см. Фрагмент № 2 представлен туловом керамического сосуда размером 1,25×1,15×2,1 см. Обнаруженные фрагменты имеют аналогии среди керамической посуды XVIII в. в Притомье и могут быть атрибутированы эпохой Нового времени (рис. 6–1, 2).

В 2024 г. сотрудниками лаборатории археологии были продолжены исследования поселенческого комплекса в урочище Захар-Дуброво. Заложены три шурфа общей площадью 6 м² с целью уточнения границ памятника.

Рис. 6. Материалы, полученные при зачистке обнажения на левобережной террасе реки Иня: 1 — фрагмент керамического сосуда № 1; 2 — фрагмент керамического сосуда № 2; 3 — фрагмент кости животного

Fig. 6. Materials obtained during the archaeological research of the exposure on the left-bank terrace of the Inya River: 1 — fragment of ceramic vessel No. 1; 2 — fragment of ceramic vessel No. 2; 3 — fragment of animal bone

К сожалению, значительная часть территории поселения была подвержена воздействию со стороны «черных копателей». Всего было обнаружено 11 пострадавших участков. Большая часть из них сконцентрирована на краю террасы вдоль восточной линии

на границе поселения, где расположены наиболее глубокие западины. Глубина подобных перекопов варьируется от 0,1 до 0,5 м. Характер следов на месте перекопов, а также высота земляных навалов, достигающих высоты 1,17 м, предполагает использование в процессе грабительского перекопа специальной техники (рис. 5). В результате варварского воздействия «черных копателей» была повреждена целостность почвенных слоев пяти западин [Горлышкин, 2022: 31].

Особенностью поселения в урочище Захар-Дуброво является отсутствие сведений о его существовании в материалах письменных источников и исторической картографии, несмотря на внушительные размеры, а также близостью к другим старожильческим поселениям на берегах Ини. Материальный комплекс ВОАН «поселение Захар-Дуброво I», прекратившего свое существование на ранних этапах освоения бассейна Ини, представляет собой «слепок» времени существования поселка, потенциально представляя собой уникальный источник материально-бытовой культуры первых русских жителей Прииңья [Горлышкин, 2021].

Таким образом реконструкция хронологических рамок, особенностей планиграфии и бытовой культуры поселений, чье существование не нашло отражения в источниках документального характера, данных исторической картографии, возможно лишь с привлечением методов археологической науки и проведении разведочных работ и полномасштабных раскопок на территории сел и деревень. В то же время интерес «черных копателей» к комплексам Нового времени остро поднимает вопрос об усилении работы по постановке на государственный учет и охрану «исчезнувших» поселений XVII–XIX вв. как уникальных источников по русскому освоению региона.

Обсуждение материалов и их интерпретация

Рассмотренные примеры поселений в устье Мерети и урочище Захар-Дуброво заставляют задаться следующими вопросами. Почему переселенцы выбирали именно берега Ини для создания своих поселков? Почему часть переселенцев пыталась скрыть факт своей миграции перед представителями местной администрации?

Одним из факторов, повлиявшим на выбор Прииңья в качестве места основания будущего поселения, вероятно, была близость ландшафтно-климатических условий с районами, откуда переселенцы были родом. Так, районы бассейна Ини представляют собой преимущественно лесостепную зону с подзолистыми и черноземными почвами. Сходные условия наблюдаются, к примеру, в Приишимье, выходцами откуда были первые жители будущей деревни Мерецкой. Вероятно, имеющийся опыт проживания в аналогичных ландшафтно-климатических условиях и предопределил выбор устья Мерети в качестве нового дома для «ишимцев».

Выбор пограничной на момент рубежа XVII — начала XVIII в. реки Ини может быть вызван нежеланием переселенцев находиться в поле зрения представителей царской администрации, даже несмотря на угрозу убийства или пленения со стороны телеутов. Данный регион, в отличие от Притомья и среднего течения Оби, практически не контролировался томскими и кузнецкими воеводами, что давало возможность укрыться от реальных или потенциальных преследований со стороны властей.

Это могли быть попытки избежать рекрутского набора в царскую армию, бегства в дикие пограничные местности от внесения их в «ревизские сказки», предназначен-

ные для сбора оброчных денег в государеву казну. Важность последнего многократно фиксирует в своей отписке мунгатский приказчик Василий Соколов.

Другой причиной, побудившей к миграции в Приинье могли стать религиозные притеснения старообрядческого населения со стороны царского правительства. В Западной Сибири на протяжении XVII в. большая часть старообрядцев проживала в районах Исети, Ишима, Тарского Прииртышья. В первой трети XVIII в. фиксируются случаи организованных выступлений со стороны старообрядческого населения, выраженных в форме актов массового самосожжения и вооруженных выступлений, ставших поводом для организации репрессивных мер со стороны государства.

В попытках избежать преследований, старообрядцы массово покидают обжитые места. Отмечаются факты переселения в районы Васюганских равнин, Томский уезд [Пулькин, 2013: 160, 185, 191]. О масштабах миграции можно судить по факту самосожжения 172 старообрядцев Чаусского острога и прилегающих поселений в 1756 г. [Пулькин, 2013: 161]. Упоминания о наличии старообрядческого населения в районах верховья Оби и бассейне Ини встречаются также у И. Г. Гмелина, посетившего эти места в 1734 г. [Гмелин, 2003: 99–100].

Нельзя исключать, что первыми жителями поселков в устье Мерети и урочище Захар-Дуброво были старообрядцы. Этим можно было бы объяснить попытку скрыть свое существование от представителей местной власти, уход семей братьев Афансеевых с берегов Мерети в период между 1715 и 1719 гг., отсутствие письменных и картографических свидетельств о существовании населенного пункта на месте ВОАН «поселение Захар-Дуброво I».

Тем не менее, на сегодняшний день данная гипотеза тяжело поддается проверке. Прежде всего это вызвано дефицитом нарративных свидетельств. Ситуацию могло бы исправить проведение полевых археологических изысканий. Обнаружение предметов материального комплекса старообрядческой культуры (например, характерных крестов-тельников) позволило бы пролить свет на демографический состав поселений.

В то же время нельзя исключать варианта миграции, причина которой вызвана обычными поземельными спорами в районах прежнего проживания. К началу XVIII в. на значительной части Притомья, Приишимья, Притарья и других районов Сибири, чья колонизация была начата еще в конце XVI–XVII вв., уже была сформирована достаточно обширная сеть из поселений и пашенных хозяйств, что подталкивало наименее обеспеченные слои населения к переселению на еще не обжитые территории.

Выбор в пользу Приинья мог быть обусловлен практически полным отсутствием русских поселений и просторами для организации пашни, схожестью природно-ландшафтных условий.

В случае с поселением в урочище Захар-Дуброво отсутствие упоминаний в документальных свидетельствах и материалах исторической картографии может быть обусловлено кратким периодом его существования. Не исключено, что ВОАН «поселение Захар-Дуброво I» представляло собой временный поселок, просуществовавший относительно недолго, после чего его население приступило к освоению близлежащих территорий. Результатом процесса расселения могло стать появление старожильческих деревень Лебедево, Уфимцево и Корбелкино.

Заключение

Процесс освоения русским населением Приинья носил многофакторный характер. На его динамику и особенности влияла как международная конъюнктура, так и события внутри русского общества Сибири. Будучи своеобразным «фронтиром», бассейн Ини являлся в течение XVII в. зоной межкультурных контактов русского и телеутского населения, включавших в себя как периоды мирного сосуществования, так и эпизоды военного противостояния.

Первые поселения, основанные служилыми людьми в 1690-е гг., к концу первой трети XVIII в. переросли в целую сеть из 55 сел и деревень, охватывающую всё течение Ини и ее притоков. Фактически приход русского централизованного государства, с характерными для него институтами, поставил точку в средневековом этапе истории региона.

Социальный состав первых поселенцев носил разнородный характер. Наряду с служилыми «людьми», встречаются посадские, «гулящие», оброчные люди, ссыльные. Большая часть переселенцев была выходцами с Притомья, Приобья, Прииртышья. Это позволяет зафиксировать сосуществование государственного и вольного освоения территорий бассейна Ини, схожесть протекавших процессов с соседними регионами. В то же время слабо изучены вопросы с возможным наличием старообрядческой прослойки населения, чья специфика определялась не только уникальным конфессиональным статусом, но и конфликтными взаимоотношениями с государством.

Приграничный характер рассматриваемой территории обусловил существование еще одного, параллельного, «скрытого» пласта миграции русского населения. Слабый контроль властей над приинскими районами на рубеже XVII–XVIII вв. подталкивали к переселению сюда людей, которые по тем или иным причинам хотели избежать контактов с государством. Данный аспект русской колонизации региона на сегодняшний день исследован слабо и требует дополнительного внимания специалистов.

Недавние открытия сведений о поселениях в устье Мерети и урочище Захар-Дуброво дают основания для выделения нового аспекта в изучении освоения земель бассейна Ини. Скудность или отсутствие письменных и картографических сведений подталкивают нас к использованию методов других исторических дисциплин.

Привлечение данных археологии уже прошло успешную апробацию при изучении процесса русского селообразования и поземельного освоения в соседних регионах. Проведение полевых археологических работ позволит устранить часть имеющихся пробелов, касающихся социоконфессионального состава населения, территории его прибытия, хронологии существования поселка, особенностей его планировки, материально-бытовой культуры жителей.

На наш взгляд, перечисленные в работе особенности позволяют выделить поземельную колонизацию Приинья в качестве самостоятельного этюда в процессе освоения русским населением юга Западной Сибири в XVII–XVIII вв.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания лаборатории археологии Института экологии человека ФИЦ УХХ СО РАН (проект 124041100079–

5 «Социокультурогенез и трансграничное взаимодействие древних и средневековых обществ в контактных зонах Западной и Средней Сибири». 2024–2025 гг.), государственного задания лаборатории истории Южной Сибири Института экологии человека Федерального исследовательского центра угля и углехимии СО РАН (проект 124041100076–4 «Кузбасс в составе Российского государства: социально-экономическое и общественно-политическое развитие региона в XVII–XX вв.». 2024–2025 гг.).

Acknowledgements and funding

The article was prepared as part of the state assignment for the Laboratory of Archaeology of the Institute of Human Ecology, Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (project 124041100079–5 “Sociocultural Genesis and Transboundary Interaction of Ancient and Medieval Societies in the Contact Zones of Western and Central Siberia”. 2024–2025.), as well as the state assignment for the Laboratory of Southern Siberian History of the Institute of Human Ecology, Federal Research Center for Coal and Coal Chemistry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (124041100076–4 “Kuzbass as Part of the Russian State: Socio-Economic and Socio-Political Development of the Region in the 17th–20th Centuries.” 2024–2025).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Батьянова Е. П. Межэтнические отношения // Тюркские народы Сибири. М. : Наука, 2006. С. 232–235.

Бояршинова З. Я. Земельные сообщества в Сибири в XVII — начале XVIII в. // Крестьянская община в Сибири в XVII — начала XX в. Новосибирск : Наука, 1977. С. 14–32.

Гмелин И. Г. Поездка по Рудному Алтаю в августе-сентябре 1734 г. (из книги “Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1734”) // Кузнецкая старина. Вып. 5. Новокузнецк, 2003. С. 88–106.

Голодяев К. А. Телеутская межа (История неизвестной столетней войны) // Развитие территорий. 2017. № 3 (9). С. 13–20.

Горлышкин Н. Е. «Исчезнувшие» деревни как уникальный источник по археологическому изучению материальной культуры русского старожильского населения Кузнецкого Притомья в XVII–XVIII вв. // Материалы LXI Российской (с международным участием) археолого-этнографической конференции студентов и молодых ученых, Иркутск, 4–8 апреля 2021 г. Иркутск : Иркутский гос. ун-т, 2021. С. 190–191.

Горлышкин Н. Е. К проблеме соотношения археологических и исторических источников по ранним этапам русского освоения Кузнецкой котловины // Археологические культуры Сибири в контексте кросс-культурных контактов в Евразии: к 300-летию первых научных археологических раскопок в Сибири (1722 г.) : материалы Международной археологической конференции молодых исследователей (Новосибирск, 21–25 ноября 2022 г.). Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2022. С. 27–37.

Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 321. Оп. 1. Д. 1а.

Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск : Изд-во ТГУ, 1981. 182 с.

Ермолаев А. Н., Карпинец А. Ю., Морозов Н. М., Усков И. Ю. История Кузбасса. Т. I: Земля Кузнецкая в XVII–XIX веках. Кемерово : Кузбасская медиагруппа: ArtAvis, 2021. 424 с.

Карпенко З. Г. Присоединение Кузнецкой земли к русскому государству и ее освоение // История Кузбасса. Ч. 1–2. Кемерово : Кемеровское кн. изд-во, 1967. С. 38–54.

Кимеев В. М. Касьминские чалдоны. Быт и культура русских старожилов Касьминской волости. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. 250 с.

Куминова А. В. Растительность Кемеровской области (ботанико-географическое районирование). Новосибирск, 1949. 165 с.

Пулькин М. В. Самосожжения старообрядцев (середина XVII–XIX вв.). М. : Русский фонд содействия образованию и науке, 2013. 336 с.

Ремезов С. У. Чертежная книга Сибири (1699–1701 гг.). СПб. : Археографическая Комиссия, 1882. 49 с.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 3, Л. 67 об.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1. Кн. 1611. Л. 260–266 об.

Синяев В. С. К вопросу о южной границе Томского уезда в XVII веке // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. 5. С. 79–88.

Скрябина Л. А. Русские Притомья. Историко-этнографические очерки. Кемерово : Кузбассвуиздат, 1997. 130 с.

Тихонов С. С. О маркерах границ территорий расселения русских в Среднем Притомье в начале XVIII — середине XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 2 (65). С. 167–174. DOI 10.20874/2071-0437-2024-65-2-14.

Уманский А. П. Телеуты и их соседи в XVII — первой половине XVIII века. Часть первая. Барнаул, 1995. 176 с.

Уманский А. П. Телеуты и русские в XVII–XVIII веках. Новосибирск : Наука, 1980. 296 с.

Усков И. Ю. Материалы переписи Верхотомского острога 1703 года // Разыскания: историко-краеведческий альманах. Кемерово, 1999. Вып. 5. С. 189–199.

Усков И. Ю. Ревизские сказки волостей Кемеровской области. Кемерово : Азия, 2001. 59 с.

Усков И. Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII — первой половине XIX в. Кемерово : Кузбассвуиздат, 2005. 130 с.

Усков И. Ю. Земледельческое население Среднего Притомья в XVIII в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 104–108. DOI 10.17223/19988613/48/17.

Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова // URL: [https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155\\$92i](https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$92i) (дата обращения: 15.01.2025).

Ширин Ю. В. Древности Беловского района: их историко-культурный потенциал, проблемы использования и охраны // Труды Кузбасской комплексной экспедиции. Беловский, Яшкинский, Таштагольский районы Кемеровской области. Кемерово, 2004. Т. 1. С. 374–388.

Ширин Ю. В. Материалы археологических разведок в бассейне р. Ини // Из кузнецкой старины. Новокузнецк: Лотус-Пресс, 2017. Вып. 7. С. 4–42.

Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII век). М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 432 с.

Элерт А. Х. Историко-этнографическое описание Томского уезда Г. Ф. Миллером // Источники по истории Сибири дореволюционного периода. Новосибирск, 1988. С. 59–101.

REFERENCES

Bat'ianova E. P. Mezhetnicheskie otnosheniya [Interethnic relations]. *Tiurkskie narody Sibiri* [The Turkic peoples of Siberia]. Moscow: Nauka, 2006. P. 232–235 (in Russian).

Boiarshinova Z. Ya. Zemel'nye soobshchestva v Sibiri v XVII — nachale XVIII v. [Land societies in Siberia in the XVII — early XVIII century]. *Krest'ianskaya obshchina v Sibiri v XVII — nachala XX v.* [Peasant community in Siberia in the XVII — early XX century]. Novosibirsk: Izd-vo "Nauka", 1977. P. 14–32 (in Russian).

Elert A. Kh. Istoriko-etnograficheskoe opisanie Tomskogo uезда G. F. Millerom [Historical and ethnographic description of Tomsk district by G. F. Miller]. *Istochniki po istorii Sibiri dorevoliutsionnogo perioda* [Sources on the history of Siberia of the pre-revolutionary period]. Novosibirsk, 1988. P. 59–101 (in Russian).

Emel'ianov, N. F. *Zaselenie russkimi Srednego Priob'ya v feodal'nuyu epokhu* [The settlement of Russians in the Middle Priobie region began in the feudal era]. Tomsk: Izd-vo TGU, 1981, 182 p. (in Russian).

Ermolaev A. N., Karpinets A. Yu., Morozov N. M., Uskov I. Yu. *Istoriya Kuzbassa. T. I: Zemlya Kuznetskaya v XVII–XIX vekakh* [History of Kuzbass. Vol. 1. The land of Kuznetsk in the XVII–XIX centuries]. Kemerovo: Kuzbasskaya mediagruppa; ArtAvis, 2021, 424 p. (in Russian).

Gmelin I. G. Poezdka po Rudnomu Altayu v avguste-sentyabre 1734 g. (iz knigi "Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1734") [A trip to the Rudny Altai in August–September 1734 (from the book "Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733–1734")]. *Kuznetskaya starina* [The Kuznetsk antiquity]. Novokuznetsk, 2003, no. 5. P. 88–106 (in Russian).

Golodyaev K. A. Teleutskaya mezha (Istoriya neizvestnoi stoletnei voiny) [The Teleut border (the History of the Unknown Hundred Years' War)]. *Razvitie territorii* [Development of territories]. 2017, no. 3 (9). P. 13–20 (in Russian).

Gorlyshkin N. E. K probleme sootnosheniya arkheologicheskikh i istoricheskikh istochnikov po rannim etapam russkogo osvoeniya Kuznetskoi kotloviny [On the issues of the correlation of archaeological and historical sources on the early stages of Russian development of the Kuznetsk Basin]. *Arkheologicheskie kul'tury Sibiri v kontekste kross-kul'turnykh kontaktov v Evrazii: k 300-letiiu pervykh nauchnykh arkheologicheskikh raskopok v Sibiri (1722 g.): materialy Mezhdunarodnoi arkheologicheskoi konferentsii molodykh issledovatelei* (Novosibirsk, 21–25 noiabria 2022 g.) [Archaeological cultures of Siberia in the context of cross-cultural contacts in Eurasia: on the 300th anniversary of the first scientific archaeological excavations in Siberia (1722).]: Proceedings of the International Archaeological Conference of Young

Researchers (Novosibirsk, November 21–25, 2022)]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2022. P. 27–37 (in Russian).

Gorlyshkin, N. E. “Ischeznuvshie” derevni kak unikal'nyi istochnik po arkheologicheskomu izucheniiu material'noi kul'tury russkogo starozhil'cheskogo naseleniia Kuznetskogo Pritom'ia v XVII–XVIII vv. [Disappeared 'villages as a unique source for the archaeological study of the material culture of the Russian old-timers of the Kuznetsk Tom Region in the XVII–XVIII centuries]. *Materialy LXI Rossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) arkheologo-etnograficheskoi konferentsii studentov i molodykh uchenykh, Irkutsk, 04–08 aprelia 2021 goda* [Proceedings of the LXI Russian (with international participation) Archaeological and Ethnographic Conference of Students and young scientists, Irkutsk, April 04–08, 2021.]. Irkutsk: Irkutskii gosudarstvennyi universitet, 2021. P. 190–191 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti (GATO) [The State Archive of the Tomsk region]. Fund 321. Invenory. 1. File. 1a (in Russian).

Karpenko Z. G. Prisoedinenie Kuznetskoi zemli k russkomu gosudarstvu i ee osvoenie [The annexation of the Kuznetsk land to the Russian state and its land development]. *Istoriia Kuzbassa. Ch. 1–2* [History of Kuzbass. Part 1–2]. Kemerovo: Kemerovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967. P. 38–54 (in Russian).

Khorograficheskaya chertezhnaya kniga Sibiri S. U. Remezova [The chorographic drawing book of Siberia by S. U. Remezov]. Available at: [https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155\\$92i](https://iiif.lib.harvard.edu/manifests/view/drs:18273155$92i) (accessed January 15, 2025) (in Russian).

Kimeev V. M. *Kas'minskie chaldony. Byt i kul'tura russkikh starozhilov Kas'minskoi volosti* [Kasmin chaldons. The life and culture of the Russian old-timers of Kasminsky volost]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 250 p. (in Russian).

Kuminova A. V. *Rastitel'nost' Kemerovskoi oblasti (botaniko-geograficheskoe raionirovanie)* [Vegetation of the Kemerovo region (botanical and geographical zoning)]. Novosibirsk, 1949, 165 p. (in Russian).

Pul'kin M. V. *Samosozhzheniya staroobriadtsev (seredina XVII–XIX v.)* [Self-immolation of the Old Believers (mid-17th–early 19th centuries)]. Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, 2013, 336 p. (in Russian).

Remezov S. U. *Chertezhnaya kniga Sibiri (1699–1701 gg.)* [The Drawing Book of Siberia (1699–1701)]. Saint Petersburg: Arkheograficheskaya Komissiiia, 1882, 49 p. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Fund 1134. Inventory. 1. Storage unit 3. File. 67 ob. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Fund 214. Inventory 1. Book. 1611. File. 260–266 ob. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA) [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Fund 214. Inventory 1. Book 1611. File. 277–290 ob. (in Russian).

Shirin Yu. V. *Drevnosti Belovskogo raiona: ikh istoriko-kul'turnyi potentsial, problemy ispol'zovaniya i okhrany* [Antiquities of the Belovsky district: their historical and cultural potential, problems of use and protection]. *Trudy Kuzbasskoi kompleksnoi ekspeditsii. Belovskii, Iashkinskii, Tashtagol'skii raiony Kemerovskoi oblasti* [Proceedings of the Kuzbass integrated expedition]. Kemerovo, 2004, vol. 1. P. 374–388 (in Russian).

Shirin Yu. V. Materialy arkheologicheskikh razvedok v basseine r. Ini [Materials of archaeological exploration in the Inya River basin]. *Iz kuznetskoi stariny* [From Kuznetsk antiquity]. Novokuznetsk: OOO “Lotus-Press”, 2017, no. 7. P. 4–42 (in Russian).

Shunkov V. I. *Ocherki po istorii zemledeliya Sibiri (XVII vek)* [Essays on the history of agriculture in Siberia (17th century)]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1956, 432 p. (in Russian).

Siniaev V. S. K voprosu o iuzhnoi granitse Tomskogo uezda v XVII veke [On the issue of the southern border of Tomsk County in the 17th century]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local History]. Tomsk, 1956, vol. 5. P. 79–88 (in Russian).

Skryabina L. A. *Russkie Pritom'ya. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [The Russian of the Pritomye region. Historical and ethnographic essays]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 130 p. (in Russian).

Tikhonov S. S. O markerakh granits territorii rasseleniia russkikh v Srednem Pritom'e v nachale XVIII — seredine XX v. [On markers of the boundaries of Russian settlement in the Middle Tom region at the end of the XVIII — mid XX century]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii* [Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography]. 2024, no. 2 (65). P. 167–174. DOI 10.20874/2071–0437–2024–65–2–14. (in Russian).

Umanskii A. P. *Teleuty i ikh sosedi v XVII — pervoi polovine XVIII veka. Chast' pervaiia* [Teleutes and their neighbors in the XVII-the first half of the XVIII century. Part one]. Barnaul, 1995, 176 p. (in Russian).

Umanskii A. P. *Teleuty i russkie v XVII–XVIII vekakh* [Teleutes and Russians in the XVII–XVIII centuries]. Novosibirsk: Nauka, 1980, 296 p. (in Russian).

Uskov I. Yu. Materialy perepisi Verkhotomskogo ostroga 1703 goda [Materials of the census of the Verkhotursky ostrog in 1703]. *Razyskaniya: istoriko-kraevedcheskii al'manakh* [Investigations: historical and local history almanac]. Kemerovo, 1999, no. 5. P. 189–199 (in Russian).

Uskov I. Yu. *Revizskie skazki volostei Kemerovskoi oblasti* [Revisionist tales of the Kemerovo region volosts]. Kemerovo: Aziia, 2001, 59 p. (in Russian).

Uskov I. Yu. Zemledel'cheskoe naselenie Srednego Pritom'ia v XVIII v. [The agricultural population of the Middle Tom region in the XVIII century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorika* [Bulletin of Tomsk State University. History]. 2017, no. 48. P. 104–108. DOI 10.17223/19988613/48/17 (in Russian).

Uskov I. Yu. *Formirovanie krest'ianskogo naseleniia Srednego Pritom' v XVII — pervoi polovine XIX v.* [The formation of the peasant population of the middle Tom region in the XVII — first half of the XIX century]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2005, 130 p. (in Russian).

Приложение

1715 г., январь — Отписка приказчика Мунгатского острога В. Соколова кузнецкому воеводе полковнику Б.А. Синявину

Великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержца его царьского пресветлого величества полковнику Борису Акимовичю Василей Соколов челом бьет.

В нынешнем 715-м году генваря в ... день ведомо мне учинилось от мунгатцких жителей. Живут в Кузнецком уезде в Мунгатцком стану на реке Ине на усть речки Мерету ишимцы, а в казну великого государя оброку ни в которой город не платят. И для описи и взятъя оброчных денег посылал я с Мунгату служилых людей Федора Лагунова с товарищи и велел их с оброчными денгами привести к себе на Мунгат. И, пришед, служилые люди подали мне скаску, что нашли в вышеписанных урочищах на усть речки Мерету ишимцов три двора, а людей в них три семьи Анисимом зовут Афонасьив з братом Буткою Филипом зовут, Сапашков Михайлом зовут Нагибин. А в домех мужиков никою не застали, только, сказали, застали жен их и детей. А жены их сказали, что мужья их поехали оброчные денги платить в город Кузнецкой, для того, чтоб им под Мунгатцким присудом не быть. И ежели они в городе не явились и оброчных денег на прошлой 714-й год не платили и полковник Борис Акимович Синявин что укажешь [РГАДА. Ф. 1134. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 67 об.].

Статья поступила в редакцию: 29.01.2025

Принята к публикации: 28.05.2025

Дата публикации: 30.06.2025